

ОГОНЕК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 37 (285). 9 сентября 1928 г.

Снимок со старинной картины Илья Штыка. Любопытен объяснительный текст, которым сопровождался в свое время многочисленные репродукции этой картины. Приводим его полностью: «Толстой, писавший свои манифестации, окружен страданием своего отечества».

А. П. ЧЕХОВ И Л. Н. ТОЛСТОЙ

Очерк Юрия Соболева.

... «Из писателей предпочитаю Толстого, из врачей — Захарьина», писал А. П. Чехов в автобиографии, посланной им Вл. Тихонову для журнала «Север».

Исследователями жизни Толстого давно уже — и во всех подробностях — восстановлена картина отношений между «великим писателем русской земли» и писателями, принадлежавшими к старшей генерации его современников. «Толстой и Достоевский», «Толстой и Тургенев», «Толстой и Фет», — это делалось темой целого ряда книг и статей. Гораздо слабее разработана история взаимоотношений Толстого и младшего литературного поколения. В этом ряду следует поставить и Чехова. В сущности, в нашем распоряжении есть только одна работа, — и то очень бегло раскрывающая и историю знакомства Толстого с Чеховым, и чувство обоюдной приязни друг к другу, которое всегда существовало между Толстым и Чеховым (см. П. А. Сергеевско, «Л. Н. Толстой и А. П. Чехов». Сборник «Л. Н. Толстой». Изд. «Русская Бель», М. 1910, переиздано в журн. «Рампа и Жизнь», № от 2-го июля 1914 г.).

Юбилей Толстого — столетие со дня рождения — дает повод вернуться к этой теме.

Фраза Чехова, говорящая о его «предпочтении» Толстого другим писателям, не случайна. Толстой, и как художник, и как человек, всегда привлекал пристальное себе внимание Чехова. Он прямо говорил, что

«ни одного человека не любил так, как его». Умри Толстой, в жизни Чехова «образовалось бы большое пустое место». Это писалось тогда, когда не прошла еще опасность катастрофического исхода от того воспаления легких, от которого медленно поправлялся Толстой в Гаспре в 1901 г.

Для «неверующего» Чехова «вера» Толстого казалась ему «наиболее близкой и подходящей». Этот пietet к личности Толстого у Чехова слит с величайшим уважением к нему, как к писателю: «Когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором». Дейтельность Толстого, в глазах Чехова, «служит оправданием тех упований и чаяний, какие на литературу возлагаются». Чехов глубоко воспринимает этическое значение Толстого: «Пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошничество, наглое и слезливое, всякие шершавые, озлобленные самолюбия будут далеко и глубоко в тени. Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения. Без него бы это было беспастушье стадо, или каша, в которой трудно было бы разобратся».

Как известно, Толстой платил Чехову той же монетой, высоко ценил его творчество и чрезвычайно любовно относился к нему, как к человеку. М. Горький в своих воспоминаниях о Толстом говорит, что Лев Николаевич «любит Чехова отчески, в этой

любви чувствуется гордость создателя». И еще: «Чехова он любил, и всегда, глядя на него, точно гладил лицо Антона Павловича взглядом своим, почти нежным в эту минуту».

Считая, что пьесы Чехова «еще хуже, чем Шекспира», Толстой в то же время говорил прямо с восхищением о чеховской беллетристике. Он называл Чехова «несравненным художником». «Чехова, как художника, нельзя уже сравнивать с прежними русскими писателями — с Тургеневым, с Достоевским или со мною, — говорил Толстой. — У Чехова своя особенная форма, как у импрессионистов. Смотришь, человек будто без всякого разбора мажет красками, какие попадают ему под руку, и никакого как будто отношения эти мазки между собою не имеют. Но отойдешь на некоторое расстояние, посмотришь, и в общем получается цельное впечатление. Перед вами яркая, неотразимая картина природы». Для Толстого Чехов — истинный художник. И вот по какому, как полагает Толстой, «наивернейшему» признаку: «Чехова можно перечитывать по несколько раз».

Составляя «Круг Чтения», Толстой в число избранных новелл и «притч» поместил и чеховскую «Душечку». Этим рассказом Толстой буквально восхищался, сам перечитывал его много раз и мастерски читал его вслух родным и друзьям. А. В. Гольденвейзер в своем дневнике отметил, что среди любимых произведений Толстого,

обычно читавшихся им вслух, были чеховские рассказы — „Душечка“, „Мужики“ и „В овраге“. И тот же Гольденвейзер отметил, что Лев Николаевич „ставил Чехова чрезвычайно высоко, ценил его художественный талант, ум и русский язык“.

В истории отношений Чехова к Толстому есть одна черта, на которую никто из писавших о Толстом и Чехове не обращал внимания, — черта чрезвычайно характерная для Чехова с его вполне независимым взглядом и на литературу, и на больших людей его эпохи. В Чехове было свойство не быть ни перед кем обязанным.

И поэтому, когда Чехов узнал, что в семье Толстого выразили желание с ним познакомиться, но что это знакомство состоится при посредстве одного писателя, близкого к Льву Николаевичу, то Антон Павлович отказался принять это посредничество; он знал, что „друг“ Толстого будет потом всюду хвастать, что вот, мол, он познакомил Чехова с Толстым! Знакомство все же состоялось впоследствии, но уже без всякого посредничества. Чехов был в Ясной Поляне и прожил в доме Толстых около двух суток. Он вынес и от знакомства, и от поездки чудесное впечатление. „Я чувствовал себя, — писал Чехов Суворину, — легко, как дома, и разговоры наши с Львом Николаевичем были легки“.

Но то чувство независимости суждений, которое было доминирующим в природе Чехова, не позволяло отдаться ему толстовскому влиянию. Толстовская философия трогала Чехова, действовала на него, чему, кстати сказать, служит отражением повесть „Моя жизнь“, в которой герой — толстовец, опростившийся и отказавшийся от комфорта городской жизни. К сожалению, повесть дошла до нас в искаженной цензурой форме, так что о толстовской ее тенденции можно лишь читать между строк. Но в „толстовстве“ интересовали Чехова не „основные положения“, а „толстовская манера выражаться“. Но и этот „вероятно,

справедливо“ говорили Чехову, что „в электричестве и напе любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса“.

повторяли все умные старики во все века. Всегда старики склонны были видеть конец мира и говорили, что нравственность пала до *non plus ultra*, что искусство измельчало,

Л. Н. Толстой и Максим Горький. 1900 г.

Так же трезво отнесся Чехов и к философии Толстого, выраженной в знаменитом исследовании об искусстве. В ту весну, когда неожиданное кровохарканье было столь злое, что Чехов лег в клинику, его навестил в „палате № 14“ Л. Н. Толстой. Чехов передавал подробности этого глубоко его обрадовавшего посещения в письме к А. И. Эртелю так: „Толстой был у меня в клинике, говорил, что повесть свою „Воскресение“ он забросил, так как она

износилось, что люди ослабели, и проч. и проч.“

Когда же через несколько лет Чехов „злым, не отрываясь“ прочел „Воскресение“, он отзывался об этом романе так: „Воскресение“ — это замечательное художественное произведение. Самое неинтересное — это все, что говорится об отношениях Пехлюдова к Катюше, и самое интересное — князья, генералы, тетюшки, мужики, арестанты, смотрители. Сцену генерала, коменданта Петропавловской крепости — спирита — я читал с замиранием духа — так хорошо. А м-м Корчагина в кресле, а мужик, муж Федосья! Этот мужик называет свою бабушку „ухватистой“. Вот именно, у Толстого перо „ухватистое“.

Уже в приведенных строках (из письма к М. О. Меньшикову) подчеркивается восхищение Чехова перед чисто художественной его манерой. Чехова пленяют бытовые и жанровые портреты Толстого. Но „мораль“ романа, проступающая в истории отношений Пехлюдова к Катюше, — т. е. иными словами, раскрытие самой темы, как темы о „духовном воскресении“ Пехлюдова, — Чехову кажется самым неинтересным. Он считает, что в романе вообще „нет конца“. Кончить текстом из евангелия — не значит дать конец. „Решать все текстом из евангелия, это произвольно“, — утверждает Чехов в том же письме к Меньшикову и говорит, что „надо сначала заставить уверовать в евангелие, что оно истина, а потом уже решать все текстами“.

Очень выразительное для Чехова суждение! Так и своим высоким уважением перед Толстым находит Чехов ту грань, которая резко отделяет Толстого — художника от Толстого — моралиста.

Чехов за Толстого — против толстовства.

Юр. Соболев.

Л. Н. Толстой и А. П. Чехов в Гаспре. Сентябрь. 1901 г.

гишотизм своего рода“, — как говорил Чехов в письме к А. С. Суворину, — скоро перестал действовать. Расчетливость и

ему не нравится, пишет же только „Об искусстве“ и прочел об искусстве 60 книг. Мысль у него не новая: ее на разные лады